

Мортимер Адлер

Аристотель для всех

Сложные философские идеи
простыми словами

Перевод с английского Елены Ивченко

Москва

«Манн, Иванов и Фербер»

2015

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

УДК 101.1
ББК 87.3(0)321-225
А31

На русском языке публикуется впервые

Издано с разрешения TOUCHSTONE, a division of SIMON & SCHUSTER Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg

Адлер, Мортимер

А31 Аристотель для всех. Сложные философские идеи простыми словами / Мортимер Адлер ; пер. с англ. Е. Ивченко. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2015. — 240 с.

ISBN 978-5-00057-519-2

Эта книга познакомит вас с идеями Аристотеля — одного из самых глубоких и влиятельных ученых и философов в истории, «отцом» всех последующих философских традиций. Знаменитый популяризатор науки Мортимер Адлер на страницах этой книги в очередной раз демонстрирует нам, что настоящая философия может быть очень полезна в реальном мире. Книга написана так просто, что ее поймет любой — и не просто поймет, но и получит большое удовольствие от чтения. Здесь вы не найдете пространных рассуждений: все главы связаны между собой и вместе позволяют сформировать понимание идей Аристотеля и философии в целом.

Это книга для всех, кто интересуется философией и хотел бы ознакомиться с идеями великого мыслителя в доступной и интересной форме.

УДК 101.1
ББК 87.3(0)321-225

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Вегас-Лекс»

VEGAS LEX

ISBN 978-5-00057-519-2 © 1978 by Mortimer J. Adler
© Перевод, издание на русском языке, оформление.
ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2015

Предисловие	11
Введение	13

Часть I

Человек — философское
ЖИВОТНОЕ

Глава 1

Философские игры	20
------------------	----

Глава 2

Классификация физических объектов	28
--------------------------------------	----

Глава 3

Три измерения человека	35
------------------------	----

Человек-создатель

Глава 4

40 Робинзон Крузо Аристотеля

Глава 5

48 Изменение и постоянство

Глава 6

57 Четыре причины

Глава 7

67 Быть или не быть

Глава 8

74 Продуктивные идеи
и умения

Человек-деятель

Глава 9

Размышления о целях
и средствах 86

Глава 10

Жизнь и хорошая жизнь 94

Глава 11

Хорошее, лучшее, наилучшее 101

Глава 12

Как стремиться к счастью 110

Глава 13

Хорошие привычки и удача 119

Глава 14

129 Что другие имеют право
ожидать от нас

Глава 15

138 Что мы имеем право ожидать
от других и от государства

Часть IV

Человек-мыслитель

Глава 16

148 Что приходит на ум и что
из него выходит

Глава 17

158 Немного о логике

Глава 18

172 Говоря
и думая правду

Глава 19

Вне разумных сомнений 182

Часть V

Сложные философские вопросы

Глава 20

Бесконечность 192

Глава 21

Вечность 197

Глава 22

Нематериальность разума 201

Глава 23

Бог 207

Эпилог

Для тех, кто читал или хочет
читать Аристотеля 213

Предисловие

Когда мне в голову пришла идея написать эту книгу, я думал назвать ее «Аристотель для детей». Но эти заголовки не смогли бы точно определить аудиторию, на которую рассчитано это простое и легко читаемое толкование философии здравого смысла* Аристотеля. Я чувствовал, что в круг читателей войдут *все*: люди любого возраста, от двенадцати или четырнадцати лет и старше. Исходя из этого, было выбрано название и подзаголовок «Трудное учение, ставшее легким», а также утверждение, что эта книга представляет собой *введение в здравый смысл*.

Когда я говорю «все», я имею в виду всех, *кроме* профессиональных философов; другими словами, любого человека с обычным жизненным опытом и интеллектом, не испорченным изошренностью и специфичностью академической

* Здравый смысл (от англ. *common sense*) — общее чувство. В аристотелевской интерпретации «общее чувство» значит нечто, свойственное всем людям, разделяемое всеми, нечто обычное, простое, а также здоровое в противоположность безумному. *Прим. пер.*

мысли. Тем не менее я добавил эпилог, который окажется весьма полезным студентам философских факультетов, решивших прочесть эту книгу, поскольку он представляет собой руководство по чтению трудов Аристотеля на основе тем, приведенных в этой книге.

Прошлым летом в Аспене двое моих сыновей, Дуглас и Филипп (тринадцати и одиннадцати лет соответственно), читали части рукописи по мере их появления из печатной машинки. Я благодарен им за их энтузиазм и предложения.

Я выражаю свою признательность и Розмари Барнс, которая тогда же прочла всю рукопись и высказала свои критические замечания, а также моим коллегам из Института философских исследований, которые делились со мной полезными советами: Джону Ван Дорену, Отто Берду и Чарльзу Ван Дорену. Незадолго до отправки рукописи в печать моя жена Каролин полностью прочла ее и внесла свои предложения по улучшению книги, за что я благодарен ей.

И, конечно же, я в большом долгу перед моим редактором, Марлис Аллен, за ее неустанные усилия на каждом этапе создания этой книги.

*Мортимер Адлер,
Чикаго,
28 декабря 1977 г.*

Введение

Почему Аристотель?

Почему для всех?

И почему толкование Аристотеля для всех является введением в здравый смысл?

Я лучше отвечу на эти три вопроса после того, как отвечу на один другой. Почему философия? Почему каждый должен научиться думать философски: как ставить пронизательные вопросы, которыми обычно задаются только дети и философы и на которые философы иногда могут дать ответы?

Я давно придерживаюсь мнения, что философия является делом каждого — но не для того, чтобы получить больше информации о мире, нашем обществе и о нас самих. Для этого лучше бы обратиться к естественным и общественным наукам и к истории. Польза философии в другом: она помогает нам понять то, что мы уже знаем, но понять это лучше, чем сейчас. Вот поэтому я считаю, что каждый человек должен научиться думать философски.

Для этой цели нет лучшего учителя, чем Аристотель. Я смело рекомендую его как первого учителя. Другой учитель, которого я мог бы выбрать, — это Платон, но, на мой взгляд, он все-таки второй лучший. Платон поднимает почти все вопросы, с которыми должен столкнуться человек; Аристотель поступает так же, но, кроме того, он дает на них более ясные ответы. Платон научил Аристотеля мыслить философски, но Аристотель так хорошо усвоил его уроки, что превзошел своего учителя.

Поскольку мы хотим научиться мыслить, как Аристотель, то, что думал Аристотель, для нас важнее, чем то, кем он был и как он жил. Между нами лежат века и глобальные перемены в мире, и условия жизни и общество времен Аристотеля часто кажутся нам странными. Но, как я постараюсь объяснить вам, это не делает странными стиль или суть его размышлений.

Аристотель родился в 384 г. до н. э. в македонском городе Стагира на северном побережье Эгейского моря. Его отец служил придворным врачом короля Македонии. Внуком короля был Александр Великий, для которого Аристотель впоследствии стал наставником и другом.

В возрасте восемнадцати лет Аристотель поселился в Афинах и поступил в Академию Платона на факультет философии. Аристотель быстро стал для Платона самым раздражающим студентом, который ставил под сомнение всё, чему учил Платон, и открыто не соглашался с ним. Когда Платон умер, а Александр стал правителем Греции, Аристотель открыл собственную школу — Ликей. Это произошло в 335 г. до н. э.

В Ликее была прекрасная библиотека, обширная коллекция карт и зоопарк, в котором Аристотель собирал образцы представителей животного мира. Говорят, что некоторых

ему отправлял Александр из завоеванных им стран. Когда в 323 г. до н. э. Александр умер, Аристотель сослал себя из Афин на один из островов Эгейского моря. Там он и скончался год спустя в возрасте шестидесяти трех лет.

Аристотель жил в обществе, в котором граждане имели свободное время, чтобы насладиться приятными занятиями, потому что у них были рабы, заботившиеся об их домах и делавшие всю черную работу. Кроме того, это было общество, в котором женщины занимали более низкое положение. Платон, высказывая свое видение институтов идеального государства, говорил, что все государственные посты, кроме должности военного руководителя, должны быть открыты для женщин, поскольку он считал, что мужчины и женщины в сущности равны; но Аристотель поддерживал более распространенное мнение своего времени о неполноценности женщин.

Немного позже я подробнее расскажу о мнении Аристотеля по отношению к рабству и женщинам. Сейчас же я хочу отметить, что, используя слова «человек», «люди» и «человечество»*, я подразумеваю следующее: в своем общем смысле они относятся к обоим полам, а не только к мужской части населения, и я ни в коем случае не разделяю мнение Аристотеля о женщинах. Напротив, в этом вопросе я платонист.

Некоторые люди считают недостатком то, что Аристотель жил в древние времена. Им кажется, что было бы лучше выбрать в качестве учителя кого-то живущего в наши дни: кого-то, кто знаком с нынешним миром, кто знает то, что современная наука открыла о нем. Я не согласен с ними.

* Эти слова в английском языке — *man, men, mankind* — имеют корень *man* — дословно «мужчина». *Прим. пер.*

Несмотря на то что Аристотель был греком, жившим двадцать пять столетий назад, он был достаточно осведомлен об основных характеристиках мира, в котором обитаем и мы, чтобы говорить о нем, как будто он жил в новое время. Выступая в качестве помощника в нашей учебе мыслить философски, Аристотель не стал бы лучшим наставником, даже если бы он имел представление обо всех современных открытиях.

Стремясь понять природу, общество и человека, Аристотель начал с того места, откуда должен начинать каждый: с того, что он уже знал в свете его обычного, повседневного жизненного опыта.

Его мышление использует понятия, которыми обладаем все мы, не потому что нас этому учили в школе, а потому что они являются обыкновенным запасом человеческих мыслей ни о чем и обо всем.

Иногда мы обращаемся к этим понятиям как к нашему здравому смыслу. Это понятия, сформировавшиеся как следствие *общего опыта*, который мы получили в ходе нашей повседневной жизни, не прилагая со своей стороны каких-либо усилий по его изысканию. Этот опыт есть у всех нас только потому, что мы пребываем в состоянии бодрствования и в сознании. Кроме того, мы способны выразить его в общих словах, используемых нами в повседневной речи.

Простите меня за повторение слова «общий». Не в силах избежать его, я должен сделать акцент на этом слове, потому что его значение лежит в основе моей аргументации. Не всё является общим. Есть множество вещей, которые мы называем нашими собственными, но также существуют вещи, признаваемые не исключительно нашими. Мы делимся ими с другими: это, например, книги, которые прочитали наши друзья, или фильмы, понравившиеся кому-то из нас, или

дом, разделенный между членами живущей в нем семьи.

То, чем мы делимся, является общим. Есть множество вещей, которые делят между собой разные группы людей. Общего для всех нас гораздо меньше, но оно существует потому, что все мы люди. И именно в этом последнем, всеохватывающем смысле я использую слово «общий», говоря об общем опыте и общих убеждениях или общем чувстве, то есть здоровом смысле.

Наши представления, основанные на здоровом смысле, выражаются в таких словах, как «вещь», «тело», «разум», «изменение», «причина», «часть», «целое», «один», «много» и так далее. Большинство из нас уже в течение длительного времени, еще с молодости, пользуются этими понятиями. Мы начали прибегать к ним, чтобы говорить об опыте, который есть у каждого из нас: о вещах, изменяющихся или неизменных, о росте растений, о рождении и смерти животных, о том, как мы садимся и встаем, как ложимся спать, спим и просыпаемся, о боли и страданиях, о том, что мы едим, как тренируем свое тело и как принимаем решения.

Я мог бы продолжить этот список общего опыта так же, как я мог бы расширить список наших общих слов и общих понятий. Но даже без этих дополнений должно быть ясно, что слова, опыт и понятия, о которых я говорил, являются общими, а не только вашими, или моими, или чьими-то еще.

Напротив, явления, анализируемые учеными в лабораториях, или то, что исследователи наблюдают в экспедициях, относятся к очень специальному опыту. Мы узнаем о них из докладов, но, как правило, мы не можем испытать их самостоятельно.

Со времен Аристотеля люди научились многому, в основном за счет открытий современной науки. Прикладные науки создали мир и образ жизни, который очень отличается от мира и образа жизни Аристотеля. У Аристотеля не было автомобиля, он не мог говорить по телефону и никогда не видел то, что можно увидеть через микроскоп или телескоп, он не знал, что представляет собой поверхность Луны, и никогда не слышал описание ее поверхности от человека, ходившего по ней. Но в своей повседневной жизни у Аристотеля был тот же опыт, что есть у нас. Сделанные им умозаключения помогли понять ему свой жизненный опыт лучше, чем мы понимаем свой.

Это и только это является причиной, по которой Аристотель поможет нам лучше осознать этот общий опыт, себя и наши жизни, а также мир и общество, в котором мы живем, хотя наш образ жизни, наш мир и наше общество отличаются от аристотелевских.

Размышления Аристотеля *начинаются* с общего опыта, но *не заканчиваются* им. Они идут гораздо дальше. Они добавляются к общему опыту и окружают его скрытыми идеями и о том, что совсем не является общим. Его понимание вещей глубже нашего, а иногда оно взлетает еще выше. Одним словом, Аристотель говорит о *необщем* общем опыте.

И в этом заключается значительный вклад Аристотеля для каждого из нас. В этой книге я попытаюсь сделать так, чтобы нам было проще понять его *необщий* общий опыт. А если его будет проще понять, может, он даже станет менее необщим.

Часть I

Человек — философское ЖИВОТНОЕ

Философские игры

Многие из нас играли в две игры, не понимая, что при этом мы были на пути к становлению философами. Первая называется «Животное, растение, минерал», а вторая — «Двадцать вопросов»*.

Обе игры заключаются в задавании вопросов. Однако их философская составляющая в другом: в том, что стоит за вопросами — набор категорий, схема классификации. Классификация вещей, определение их к той или иной категории — процесс знакомый. Так или иначе, любой человек делает это: владельцы магазинов, когда проводят инвентаризацию товаров на полках, библиотекари, составляя каталоги книг, секретари, раскладывая по папкам письма или документы.

* «Животное, растение, минерал» (Animal, Vegetable, Mineral) — аналог игры «Живое — неживое», в которой ведущий загадывает какой-то предмет, а участники пытаются отгадать его, задавая вопросы. В начале игры отвечающий говорит, к какому классу относится загаданный объект: к животному, если он живой, к растению, если он растет из земли, или к минералу. Суть игры «Двадцать вопросов» заключается в том же, но ведущий может отвечать на вопросы только «да» или «нет». *Прим. пер.*

Но когда объекты, подлежащие классификации, являются частью физического мира или даже больше — вселенной, включающей в себя физический мир, тогда на арену выходит философия.

Иногда в «Животное, растение, минерал» и «Двадцать вопросов» играют так, будто это одна и та же игра. Это происходит, когда первый из двадцати вопросов звучит как «Это животное, растение или минерал?», чтобы выяснить, к какой из этих трех больших категорий, или классов физических предметов, относится загаданный объект. Но только немногие объекты, о которых мы думаем, являются физическими предметами. К примеру, если загадана геометрическая фигура (например, круг), или число (например, корень квадратный из минус одного), или один из греческих богов (Зевс, Аполлон или Афина), вопрос о том, является ли объект животным, растением или минералом, не даст или, по крайней мере, не должен дать ответа.

Игра в двадцать вопросов, когда она не начинается с вопроса «Это животное, растение или минерал?», связана с угадыванием любого объекта, который может загадать любой человек. Этот объект не ограничивается только физическими вещами. Из двух игр «Двадцать вопросов» скорее приведет нас к философскому мышлению, хотя мы можем даже не осознавать этого. Чтобы понять это, нам и понадобится помощь Аристотеля.

Классификация была одним из умений, в которых Аристотель преуспел. Другим его умением стало мастерство ставить вопросы. Философское мышление начинается с вопросов — вопросов, на которые можно ответить на основании нашего обычного, повседневного опыта. А размышления об опыте приводят к обострению и уточнению нашего здравого смысла.

Животное, растение или минерал — это очень грубое деление вещей, с которыми мы сталкиваемся в физическом мире, на три категории. Но мы свободно пользуемся словом «минерал» для обозначения всех физических объектов, которые оказываются с одной стороны грани, разделяющей живые организмы и неодушевленные предметы: кусты роз и стаи мышей от палки и камня. Не всё неодушевленное является минералом вроде золота или серебра, извлекаемых из месторождений в земле. Некоторые являются горными породами, обнаруженными на поверхности земли или в ее недрах; иные — другими формами вещества в жидком или газообразном состоянии.

В категории неживых, или неодушевленных, предметов, которые мы свободно относим к понятию «минерал», Аристотель заставил бы нас различать однокомпонентные и составные предметы. Согласно Аристотелю, однокомпонентные предметы — это предметы, состоящие из одного вида материала: золота, например, или меди, или цинка. Составные предметы, напротив, образованы из двух и более материалов: к примеру, латунь — это смесь из меди и цинка. Но для Аристотеля еще более важным оказывается различие между живыми и неживыми объектами.

Что отличает все живые организмы от инертных? Являются ли они однокомпонентными или составными телами? Из нашего обычного опыта мы знаем, что все они имеют определенные общие характеристики. Они принимают пищу; они растут; они размножаются.

Среди живых организмов что отличает растения от животных? Опять же из нашего повседневного опыта мы помним, что животные имеют определенные общие характеристики,

которых нет у растений. Они не укоренены в земле, как растения; они могут самостоятельно передвигаться. Они не получают питательные вещества из земли и воздуха, как растения. Кроме того, у большинства животных есть органы чувств.

Грань, которая отделяет инертные тела от живых организмов, иногда оставляет нас в раздумьях, с какой стороны находится тот или иной объект. Это также относится и к грани, отделяющей растения от животных. Например, некоторые растения, как оказывается, обладают чувствительностью, даже несмотря на отсутствие у них органов чувств, таких как глаза или уши. А ряд животных, скажем, моллюски, не имеют способности передвигаться, и создается впечатление, что они, как растения, закреплены на одном месте.

Разделяя все физические объекты по трем основным классам — на неодушевленные тела, растения и животных, — Аристотель знал, что его классификация не исключает пограничные случаи — объекты, которые по определенным признакам находятся с одной стороны грани, но по другим относятся к другой стороне. Он признавал, что в мире физических тел переход от неживых объектов к живым и от растительной жизни к животной происходит плавно и не является четко определенным и бескомпромиссным процессом.

Тем не менее Аристотель настаивал на идее, что различия между живыми и неживыми объектами и между растениями и животными разделяют их на совершенно разные виды объектов. Он придерживался этой точки зрения по следующим причинам.

Если мы не будем изначально признавать и понимать четкое различие между камнем и мышью, мы никогда не застанем

себя за размышлениями, является ли то, что сложно классифицировать, живым или неживым объектом. Точно так же, если мы не проведем четкую грань между кустом розы и лошадью, мы никогда не зададимся вопросом, является ли данный образец растением или животным.

Так же как животные представляют собой особый вид живого организма, выполняя функции, которые недоступны растениям, так и люди являются особым видом животных. Им присущи определенные функции, не характерные для других животных, например постановка вопросов и поиск ответов на них посредством наблюдений и размышлений. Именно поэтому Аристотель назвал человека *рациональным животным*, способным думать и задавать вопросы; способным к философскому мышлению.

Есть такие животные, которые, кажется, заняли место на грани, разделяющей людей и не людей. Недавно было установлено, что у морских свинок и шимпанзе достаточно ума, чтобы участвовать в элементарных формах общения. Но они, по-видимому, не задают себе или друг другу вопросы, чтобы найти ответы на них. Мы говорим о таких животных почти как о людях, но мы не рассматриваем их в качестве членов человеческой расы.

Каждый отдельный вид вещей, по мнению Аристотеля, имеет природу, отличающую его от всех остальных. То, что отличает один класс вещей от другого, определяет природу, которой обладает каждая отдельная вещь, принадлежащая к данному классу. Когда мы, например, говорим о человеческой природе, мы просто подразумеваем, что все люди обладают определенными характеристиками, которые отличают их от других животных, растений и неодушевленных объектов.

Классификация Аристотеля содержит пять основных классов физических вещей в порядке возрастания. Он разместил одноэлементные и составные тела в нижней части шкалы. Каждый из более высоких классов расположен таким образом потому, что он имеет определенные характеристики, отсутствующие у нижестоящего класса.

В масштабах естественных вещей живое существо является более высокой формой существования, чем неживой предмет; животные — более высокой формой жизни, чем растения, а человеческая жизнь — высшей формой жизни на Земле.

Все живые организмы, как и все неодушевленные тела, занимают место в пространстве и имеют вес, но, кроме того, как мы уже отмечали, они едят, растут и размножаются. Будучи живыми организмами, животные, как и растения, выполняют эти жизненно важные функции, но они также характеризуются функциями, не свойственными растениям. На вершине шкалы находятся люди, имеющие все жизненно важные функции, что и другие животные, а также возможность искать знания, задавая вопросы и отвечая на них, и способность мыслить философски.

Конечно, можно сказать, что многие из высших животных думают и что даже компьютеры думают. Это неправда, что только люди обладают интеллектом. Интеллект в той или иной степени обнаруживается во всем животном мире, так же как и проявления животного мира в той или иной степени отражены в представителях человеческой расы. Но особый тип мышления, приводящий к философским вопросам и поиску ответов на них, отличает человека от других животных. Ни одно другое животное не играет в философские игры.

В мире физических вещей слово «тело» относится к одному всеобъемлющему классу. Нет более широкого класса, в котором тело могло бы выступить подклассом.

Каждая вещь в физическом мире является *телом* того или иного рода.

Можем ли мы впасть в другую крайность и найти подкласс тел, на котором следует остановиться, так как оно далее не делится на более мелкие подклассы? Является ли человеческий вид таким подклассом животных?

Столкнувшись с этим вопросом, большинство из нас, наверное, сразу же подумает о разных расах и внешних различиях: о разделении по цвету кожи, чертам лица, форме головы и так далее. Почему эти характеристики не делят людей на различные виды и подклассы?

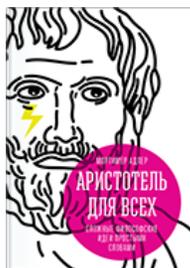
В связи с этим Аристотель сделал важное различие. Не все характеристики объекта, по его словам, определяют его природу или сущность. Как мы уже заметили, Аристотель думал, что человек должен быть определен как рациональное, или философское, животное. Способность задавать вопросы — «что?», «зачем?» и «почему?» — в отношении вещей — вот то, что делает любого человеческим существом, а не цвет кожи, вздернутый нос, прямые волосы или форма черепа.

Конечно, мы разделяем людей на бесконечное разнообразие подклассов: на высоких и низких, толстых и худых, белых и черных, сильных и слабых и так далее. Но, хотя мы можем применить такие различия, чтобы отличить одну подгруппу людей от другой, по мнению Аристотеля, их нельзя использовать, чтобы исключить любую из этих подгрупп из человеческой расы. Что еще более важно, нельзя сказать, что

члены одной подгруппы являются людьми в большей или меньшей степени по сравнению с другой.

Другими словами, различия между одним подклассом людей и другим являются поверхностными или незначительными по сравнению с основными или значимыми различиями, которые отделяют человека от других животных. Аристотель называл поверхностные или незначительные различия *случайными*, а основные или значимые — *существенными*.

Люди и неразумные животные отличаются существенно; высокие люди и низкие, толстые и худые отличаются случайно. Это единственная характеристика, отличающая одного человека от другого. Мы все животные одного и того же вида, но один человек имеет больше, а другой — меньше тех или иных параметров. Такие индивидуальные различия менее важны, чем одна вещь, объединяющая всех мужчин и женщин, — их общая человечность, являющаяся единственной причиной, по которой все люди равны.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

